Сны.

Эта та часть жизни, которую бы хотелось обуздать. Эта та часть жизни, где возможно все, и, тем не менее, они реальны. По-своему, но реальны.

Принцесса Луна это знает.

Но мало кто знает, что сон можно контролировать. Некоторые зебры медитируют, попадая в состояние полусознания. Они говорят, что так с ними разговаривают духи. Драконы же, наоборот, доводят себя до состояния полной утомленности, когда сил не хватает даже на то, чтобы забыться. Наверное, именно поэтому они спят тысячелетиями.

Но мало кто пробовал контролировать сон с помощью магии. Первым был Старсвирл Бородатый, и он предупреждал, что тот, кто так поступает, рискует потерять рассудок.

Но это всего лишь вероятность.

А если с одной стороны у тебя стопроцентный риск сойти с ума, а с другой всего лишь вероятность, и других альтернатив нет, то что будет разумным выбором?

Принцесса Селестия рисковала так уже много раз.

— В последнее время наши встречи слишком зачастились, правда?

Белоснежный аликорн стояла в Великом Ничто. И разговаривала с самой собой.

Разница была лишь в том, что одна была в хорошем настроении и вся искрилась, а другая едва ли не рыдала от безысходности.

— Как прошел день?

Принцесса поникла.

— Плохо.

— Что такое? - наклоня голову ответила другая аликорн. - Неужели встреча с императором грифонов прошла так отвратительно, что у тебя испортилось настроение?

— Нет. Мы подписали все торговые договора, которые планировали. А потом был пир.

— Так в чем же проблема? Ты добилась всего, чего хотела. Кстати, пир был ничего. Тот горный мох, что они выращивают, очень даже хорош, не находишь?

Селестия молчала.

— Ох, да ответь же ты. Видно, тебя что-то тревожит. И да, давай-ка я тебе помогу, - принцесса с равнодушием смотрела, как ее копия медленно подошла к ней и магией сняла с нее корону и хомут. - Они же тяжелые! Как ты их целыми днями носишь? Только не говори мне что ты и спишь не снимая!

— Положение обязывает, - принцессе показалось, что ей стало немного легче в духовном плане.

— Положение-омоложение, мой круп! Так что там с грифонами?

— Не знаю. Вроде все нормально, а пообщаешься с ними, так подумаешь, что это все фальшь.

— Не поняла?

— Мне кажется, что все партнерские отношения с ними строятся не на взаимном уважении, а на том, что мы им будто дань платим.

— Ой, насмешила! Дань! - засмеялся двойник. - Оброк! Надо же до этого додуматься! Мы же им помогаем, разве не так? Отдаем наши излишки пищи им, чтобы они там не голодали, и это ты называешь данью? Так получается что Эквестрия всем дань платит, и Алмазным Псам, и драконам, и минотаврам, и зебрам!

— Я не знаю. Так смотреть, и вправду. Но с минотаврами я неискренности не ощущаю... Да и не в их это обычаях — просить милостыню, хотя сами они охотно дают.

— Прям как мы.

— Прям как мы, правда. Но когда я с ними встречаюсь, я будто с давними друзьями разговариваю.

— А что с грифонами не так?

— Не знаю. Они народ буйный, если их что-то не устраивает — они начинают ломать

все что им на пути попадется.

— Да, но сначала они начнут крушить у себя дома, не так ли? А мы даем им самую малость, всего-то еду, одежду и дрова для обогрева. Если кто-то сыт — то он добр, а если кто-то голоден — то он зол на весь мир, всегда так было.

— Да, так оно и есть... Да вот только им кажется, что это мы им услугу делаем. И от этого еще сильнее наглеют.

— Так давай не будем давать этим нахальным птицам, что с нами будет?

Принцесса одарила копию сердитым взглядом.

— Если они устроят у себя революцию, то они могут и сместить императора...

— Который нас совсем не уважает, - ее перебили с легкой улыбкой.

— Который хоть в нас и видит кормушку, но его действия легко предсказать. А если его сместят...

— Ты чего, боишься что на его место попадет еще более дерзкий грифон? Пффф, - фыркнула копия, доставая из ниоткуда гребешок и начиная расчесывать гриву Селестии. - Так может и подавят восстание. Делов-то.

— Он либо подавляет — тогда я не знаю как он будет себя вести, либо не подавляет, и тогда на его место занимает либо грифон еще злее, либо грифон еще лучше, - ответила принцесса, позволяя своей копии играться в своей гриве. - Так что два из трех что ситуация будет еще хуже.

— Да уж, политика удручает. И ведь если начать вмешиваться в их жизнь — то это может повлечь за собой непредсказуемые последствия? - двойник дождалась утвердительного кивка и продолжила: - То есть, вмешиваться мы не можем, так как боимся что станет еще хуже, а если оставить все как есть — то положение лучше не станет?

Принцесса кивнула.

— Очень хорошо. Можно сказать, замечательно!

— Сколько себя помню, так было.

— Ох, да ладно тебе! Не каждый день ты его видишь. Не каждый день ты устраиваешь встречи с иностранными послами! Всего-то, подумаешь, грифон. Его дети умрут, его внуки умрут, его имя забудется и будет написано только в учебниках истории, а мы будем жить! Только не говори что ты помнишь имя первого императора грифонов!

— Зигфрид Черное Перо.

— Оххххх, - разочарованно протянула копия, закрывая мордочку белоснежным крылом. - Тебе проще быть надо. Ну смотри, неужели тебя, такую великую что слов не подобрать, волнует отношение какого-то грифона? Ну неужели у тебя нет ничего другого, чему можно радоваться в жизни?

Селестия не имела желания копаться в своей душе. Но тем не менее, она делала это раз за разом, когда решала контролировать свой сон.

— Давай подскажу. Такая синяя, тоже аликорн, грива вся в звездах... Ну же! Можно же было отгадать со второй подсказки!

— Луна?

Копия принцессы одобрительно подмигнула.

— Ну разве она не твоя маленькая, любимая сестренка? Ну? Разве ты не рада что она рядом с тобой, что ты можешь взять и сделать ей что-нибудь приятное? Ну? - чуть ли не с мольбой в взгляде спросила она. - Ну?

— Не... не знаю. Мне... стыдно перед ней.

— Ой, да чего стыдиться? Что такого-то? Ты съела ее любимый торт? Это мелочи по сравнению с...

— По сравнению с тысячелетним заточением.

— Оххх, только не опять...

Селестия устремила свой взгляд на копыта.

— Ты же хотела изгнать Найтмер Мун, не Луну, забыла? Эй! Я с тобой разговариваю!

- копия помахала перед ее мордочкой копытом. - Ау!

— Да, это так... И все же, каждый раз когда я ее вижу, я хочу чтобы мы поскорее разошлись. Почему так? Почему я хочу избегать ее?

— Не знаю, это наверное от того, что ты хочешь поскорее забыть об этом ужасном инциденте, а Луна тебе о нем все время напоминает! Но все нормально уже, пора бы и забыть об делах минувших дней!

— Наверное, так и есть.

— Ну вот! Проблемой меньше!

— Только мне кажется, и она меня избегает.

— Глупости!

— Я ведь тоже ей об этом напоминаю.

— Я тебя не слушаю!

— Единственная пони, которая считает меня равной — и та старается меня не видеть!

— Ла-ла-ла!

— Никто меня не любит!

Копия принцессы поперхнулась, и, отдышавшись, с укоризной посмотрела на оригинал:

— Ну что ты врешь-то? Луна тебя любит. Она просто смущена и чувствует себя виноватой. Все будет нормально, вот увидишь.

— Одно дело Луна, другое дело — весь народ Эквестрии! - Селестия всхлипнула, кончиком пера смахивая слезы.

— А что с народом? Я не вижу ничего такого оскорбительного по отношению к тебе. Или ты хочешь чтобы они тебе как богине поклонялись, как в давние времена? «Да здравствует Селестия Сиятельная, Богиня Солнца и Жизни!» - писклявым голосом повторила она молитвы уже давно обратившихся в прах пони. - Они тебя уважают, так что все отлично. Можно даже сказать, идеал! За тобой следуют без разговоров! Это же просто замечательно, что ты у них есть! Представь если бы они шли за кем-то на подобии Сомбры?

— Но никто не понимает этого! Все почитают меня только за то, что я есть!

— А вот и неправда!

— Правда!

— Как будто они тебя не почитают за то, что ты им дала такую жизнь без особых напряжений! Погляди! - Великое Ничто превратилось в дворцовый балкон. - Погляди! - копия обвела копытом раскрывшийся пейзаж. - Погляди! Все пони счастливы и знают что завтра будет еще лучше чем вчера!

— Трудно ценить то, что у тебя всегда было, - принцесса Селестия повела копытом и они снова вернулись в Великое Ничто. - В этом плане пони, жившие во времена правления Дискорда, были куда мудрее. Они ценили то что имели. Сейчас же пони почитают меня только за мои прошлые заслуги.

— Они велики, чтобы почитать тебя еще целую вечность.

— Я этого не вижу. Трудно ценить то, что у тебя всегда было, но так же и трудно ценить то, что у тебя будет всегда.

— Ну чего ты так на этом зациклилась? Что о тебе будут думать другие — когда это тебя начало волновать? Сколько себя помню, ты всегда старалась на благо всех живых существ. И у тебя это замечательно получалось.

— Ты уверена?

— Ой, ну не стану же я лгать самой себе, а? - от недоверия мордашка копии приняло недовольное выражение.

— Возможно, так и есть... Но...

— Что «но»?

— Но я все равно думаю что меня уважают только из-за того, что меня уважали их родители.

Копия еще раз прикрыла лицо крылом.

— Ну что тебе не так? Ты хочешь чтобы было по-другому? Как ты хочешь чтобы тебя уважали? Как мать? Это уже религия и культ личности!

Принцесса задумалась. Идея, поданная клоном, ей показалась очень интересной.

— Э-э-э, нет-нет-нет, я знаю, куда клонит этот задумчивый взгляд.

— Не волнуйся, я же не стану лгать самой себе, так?

— Так, идея про религию никуда не годится! Но если она тебе так нравится, то я, кажется, знаю что тебе нужно.

Ее рог засиял, и Великое Ничто превратилось в кафе, похожее на Сахарный Уголок. И как это бывает обычно для таких мест, его посещало огромное количество народу.

Вот только это место было наполнено аликорнами.

— И где мы сейчас? - спросила принцесса, озираясь вокруг.

— Погоди, сейчас все будет, - ответила ей копия, убирая лишние начесы гривы с рога и поправляя ресницы. - Вот, смотри! Ну разве он не красавчик? - она показала на одного аликорна в толпе.

— Ты притащила нас в это место ради... свидания?

— Ага! Посмотри, он сейчас к нам подойдет! А у него брат есть? - хихикнула копия.

— Хватит! - с криком Великое Ничто опять превратилось в... Великое Ничто.

— Нуууу, - разочарованно протянула кобылка. - Он был таким симпатичным жеребцом!

— Это сон! Это всего лишь сон! И ты это знаешь! Что ты хотела устроить?

— Успокойся, я всего лишь хотела тебя взбодрить. Вот я и подумала что немного романтики не помешало бы. Он бы и тебя и поддержал в трудную минуту, и любил бы как ты хотела...

— Это сон! И никого здесь не существует! Ты хотела чтобы мы сошли с ума?!

Копия начала мелко трястись. И через секунду от ее веселости не осталось и следа.

Она махнула копытом, и через мгновение они оказались в цветущем поле.

Селестия помнила это место — здесь она любила проводить время в своем далеком детстве.

— Тогда давай побегаем наперегонки?

Изменилась не только обстановка — изменилась и Селестия. Ей показалось, что ее шее стало куда легче. Грива стала мягче и короче. Она перестала чувствовать силу в своих крыльях. Ее ноги стали куда хрупче.

Так ей все казалось, и не мудрено — посреди поля стояли не две величественные кобылы, а два маленьких, милых жеребенка, которым только прыгать и бегать да визжать от радости.

Только у одной с мордашки не сходила грусть, а у другой играла вымученная улыбка.

— Ну давай! - чуть ли не с мольбой в глазах прокричала копия. - Ну давай, будет весело, будет как тогда, давным-давно! Ну пожалуйста! - ее глаза начали намокать.

Селестии было бы и приятно так поступить, вот только... Вот только чтобы это изменило? Что это ей бы дало? Сон, о котором ей будет приятно вспоминать? Сон, в который она захочет вернуться? Сон, в котором она захочет остаться навсегда?

Она бессмертна, ей питаться не надо. А Луна будет перемещать Солнце по небосклону. Она просто будет спать вечно.

Это просто убьет всех.

— Ты знаешь, почему я так не сделаю, хотя и очень хочу.

Отражение кивнуло.

— Ты боишься остаться здесь и потерять рассудок, да?

— Да. - голос принцессы был тверд. - Как бы я не хотела вот этого, - она показала копытом на луг, - я все равно остаюсь самой собой в этом мире. Я не могу изменить мир, - призналась она. - Силы для перемен находят в себе те, кто знает конец своего пути. Я не знаю

куда я приду. Мне страшно ходить по дороге. Но самое сложное — это не изменить мир — это изменить себя.

Луг пропал, но в Великом Ничто, куда они попали после этого, стало побольше света.

— И я боюсь изменений.

Великое Ничто отступало, предоставляя место солнечному свету, который, казалось, проникал куда только мог и который просвечивал принцесс насквозь.

— Ты хоть знаешь что это я оригинал, а не ты?